

Некоторые любят погорячее

Цэрин Лхаце

Запах сушеных трав наполнял помещение небольшого деревенского лазарета, временно лишившегося своего сегодняшнего "хозяина". Около двадцати минут назад за дежурным врачевателем прибежала группа местных жителей, что-то тараторя о несчастном случае в горах, и тот скрылся, попросив Цэрин Лхаце посмотреть за порядком на месте. И хоть девушка не обладала способностью исцелять людей магией, на подобную просьбу привычно отреагировала легким кивком, планируя пока заняться подготовкой лазарета к возможному приему пациентов. Эту работу извечная добровольная помощница считала уже чуть ли не своей прямой обязанностью, пытаясь таким нехитрым образом отплатить за крышу над головой и другие блага, подаренные ей отзывчивыми обитателями монастыря. Формально, она и сама имела полное право относить себя к их числу, но Цэрин Лхаце настолько привыкла отделять себя от окружающих, что до сих пор, казалось, жила в несколько иной реальности, так и не заведя ни с кем близких отношений. Единственным человеком, с которым девушка общалась на постоянной основе, оставался Джун. Но даже здесь инициатором их бесед всегда выступал молодой шаман, регулярно справляющийся об оставленном в монастыре брате или о ее собственной, не изобилующей яркими событиями жизни.

- Кету... - негромко произнесла Цэрин Лхаце, нарушая царящую в помещении тишину. Но, естественно, никто ей не ответил, как не отвечал уже года три с того момента, как измученный, но, наконец, обретший способность мыслить ясно подросток принял решение связать свою жизнь с монашеством. С тех пор девушка жила одна, так и не рискнув вернуться к родительской семье или попытаться создать свою собственную, лишь иногда, благодаря своему дару, позволяя себе заглянуть в жизнь самого дорогого для нее человека. Но эти скудные видения никак не могли залатать огромную дыру в ее сердце, вызванной потерей чего-то очень важного, долгое время придававшего смысл ее существованию.

- Хорошо ешь и следи за своим здоровьем. - Очередные слова слетели с губ Цэрин Лхаце и, посчитав, что на этом сегодняшний лимит болтовни она исчерпала, девушка вернулась к пучкам лекарственных трав, подобранных для одного особого настоя, заказанного хозяйкой дома, некогда бывшего их с братом временным пристанищем. Впереди ее ждала еще стандартная уборка, но пока опытная травница занималась тем, что у нее получалась лучше всего - готовила смесь из сушеных лекарственных растений, стараясь этой простой и понятной работой отвлечь себя от неудобных мыслей, постоянно сбегающих от своей хозяйки в прошлое.

Хина Мотидзуки

В монастыре бытовой труд предписан каждому и поровну, но вот чего молодая приёмная Мотидзуки терпеть не может, так это обязательных дежурств в столовой и на кухне. Благо, положительные стороны можно найти даже в безвыходной ситуации, ведь на деле их не бывает и выход есть всегда. В данном случае путь к спасению от нелюбимого занятия заключается в своевременном вычислении чьей-

либо физиономии, назначенной через лень спускаться в деревню: скажем, тащить с плантации чай, или же дежурить в том самом деревенском лазарете, что в своё время послужил окном в новый мир для одной странной девушки, не помнившей даже своего имени. Дел там обычно хватает, но Хидна, увы, годна только для подсобных, черновых работ: в лечебных травах она ровным счётом ничего не смыслит и вряд ли на глаз отличит ядовитое растение от душистой приправы к ужину, а врачевать и подавно не умеет - это стезя Чун-сама, куда ей до него.

В общем, предпочитающего умиротворенное мытьё посуды отдраиванию царства целительского до блеска и скрипа, как правило, можно найти без проблем, а полукровка только рада: для неё это и работой-то не считается. Ну как можно позволить Тео врачевать в бардаке? Немыслимо. Конечно, он ещё в Пекине... но обернуться после долгого отъезда Чун может в любой момент, и как нагрянет без предупреждения, а в лазарете не прибрано!.. Кто виноват? Мотидзуки Хина виновата, не досмотрела. К тому же после работы можно навестить Лхамо, а то и на рынке попросят помочь, взамен обязательно угостив чем-нибудь вкусненьким трудолюбивую девчонку - ведь та точно родственник прожорливого мохнатого пришельца из сериала, обладателя нескольких запасных желудков и ещё одного аварийного. Сан который раз подмечает, как же выборочно работает её память. В голове рисуется образ персонажа, внешность существа с хохолком и длинным носом она подробно опишет, если попросить, и он совершенно точно киношный. А вот что за сериал, о чём он, когда смотрела и смотрела ли...

Помимо всего прочего, сегодня ноги несут девушку вниз по склону с дополнительной целью. Накануне вечером Сан, после посещения Сада Стихий пообещавшая себе не терять формы и быть боеготовой во всех смыслах этого слова, переоценила свои силы и неудачно шмякнулась с самого высокого турника вместо запланированного грациозного кувьрка в воздухе. Нет, приземлиться-то удалось на ноги, чувство равновесия и ориентация в пространстве Судзуки никогда не подводят - но законы физики, а именно инерцию, никто не отменял. Досадным результатом стал удар локтем о соседний тренировочный снаряд. Не то чтобы особо больно, да и перелома явно нет, больше похоже на растяжение - но рука левая, рабочая, не желающий уверенно разгибаться до конца сустав доставляет-таки серьёзный дискомфорт. Монастырский лазарет, куда Хидна сунула курносый нос в первую очередь, оказался пуст. Не беда, в деревенском всегда есть дежурный; не Тео, конечно, чтобы полувзглядом стереть ерундовое повреждение с глаз долой - понятно, он самый-самый лучший - но всё же в монастыре врачуют на удивление многие, и делают это хорошо.

- Уборка, - объявила хафу, вломившись в хорошо знакомое здание с элегантностью носорога и с места в карьер обозначая сферу своих интересов. Присутствие в помещении обычно молчаливой длинноволосой девушки, которую Судзуки уже несколько раз здесь видела и чьего имени не знает, ни капли её не смутило: образ лазарета прочно ассоциируется с владениями Тео, а он церемоний не любит, поэтому подопечная и заявляется сюда, словно к себе домой. На травы отрядили кого-то более сведущего, это правильно - но в магическом целительстве травница ранее замечена не была, а прежде чем задавать вопросы, следует поприветствовать, пусть и с некоторым запозданием. Сан коротко кивнула. - Здравствуйте, да. А где дежурный?

Цэрин Лхаце

Ромашка и бессмертник уже были обработаны, и своего часа ожидал зверобой, применять который на реальном пациенте Цэрин Лхаце не приходилось уже очень давно. Благодаря местным врачевателям исцеление получал каждый, кто добирался до лазарета, поэтому в деревне большей популярностью пользовались травяные чаи и общеукрепляющие настои, вроде того, что сейчас собиралась изготовить травница. Когда-то давно этим настоем Цэрин Лхаце пыталась поить брата, в свои шестнадцать внешне напоминавшего, скорее, обтянутый кожей скелет, а не нормального подростка. И, возможно, именно благодаря ее стараниям Кету Домар и смог дотянуть до встречи с людьми, давшими ему шанс начать новую жизнь. По крайней мере, ей очень хотелось в это верить, хотя бы таким образом уравнивая до сих пор разъедающее чувство вины за невольно допущенные ошибки, обрекшие на страдания самого дорогого человека.

- А? - Цэрин Лхаце так глубоко погрузилась в свои мысли, что появление в лазарете одной из живущих в монастыре девушек стало для нее полной неожиданностью. Пара веточек зверобоя выпала из ее рук на пол, заставляя невысокую травницу наклониться за ними, становясь еще меньше, особенно на фоне превосходящей ее роста-весовыми показателями дежурной. - Уборка? Да, конечно. - Обычно уборкой занималась сама Цэрин Лхаце, не имея обыкновения перекладывать свою, как ей это казалось, работу на чужие плечи. Но раз незнакомая, как и большая часть обитателей монастыря, девушка выражала готовность взять на себя часть ответственности за чистоту в лазарете, Цэрин Лхаце не считала себя вправе оспаривать это решение, в очередной раз напоминая себе о необходимости учиться работать с кем-нибудь в паре.

- Да, здравствуйте. - Как и ее собеседница травница не сразу вспомнила о приветствии. - В горах произошел несчастный случай, пострадавшего побоялись транспортировать, поэтому дежурный врачеватель побежал туда. - Пожалуй, на этом можно было и закончить, но, вспомнив наставления Джуна, время от времени пытающегося хоть как-то ее социализировать, Цэрин Лхаце решила выдавить из себя еще одно предложение. - Не знаю, когда он вернется.

На этом девушка пока решила и закончить, снова вернувшись к своим травам. С ними было намного проще, чем с людьми. По крайней мере они не требовали поддерживать светские беседы, с которыми у привыкшей за последнее время к одиночеству девушки имелись серьезные проблемы.

Хина Мотидзуки

Похоже, явление на пороге лазарета излишне ретивой, кипящей энергией полукровки привело девушку, мирно перебирающую пучки трав, в некоторое замешательство: та аж пальцы разжала, и веточки с острыми продолговатыми листочками оказались на полу. Понимая, что невольно стала виновницей маленького бесшумного крушения, Хидна бы и рада исправить оплошность, подобрав ветви зверобоя - но травница опередила, а хафу всё равно бы с места не сдвинулась, не избавившись предварительно от кроссовок. Условный рефлекс "зашёл в помещение - сними обувь", пусть даже в одноэтажном каменном строении привычного гэнкана не существовало, отцовская магия выжечь из сознания дочери не смогла - как, впрочем, и многие другие привычки, формировавшиеся на

протяжении долгих лет.

- Понятно. Что за напасть... - словно желая уравнять разницу в габаритах с нагнувшейся собеседницей, Сан, в свою очередь, присела на колени и принялась снимать обувь, попутно смерив девушку фирменным, неживым взглядом куклы-бунраку - точно оценивая, было ли встречное приветствие в тон лишь случайно созвучной репликой, или же ей не показалось и её "да" пытались передразнить. На самом деле Судзуки думает совершенно о другом. Кратко описанная травницей причина отсутствия дежурного врачевателя сильно напоминает обстоятельства относительно недавней гибели Фернандес Яреци. Но за бедолагу хафу не переживает: вполне вероятно, что мага-целителя на месте происшествия уже целых два или больше, ведь монастырский лазарет тоже опустел не просто так, обычно там всегда кто-то есть, хотя бы ученики. Видно, в Храм посылали за подмогой. Справятся - разве может быть иначе? А вот ей теперь временно изображать правшу не только на тренировочной площадке, но и в процессе уборки...

- К его возвращению, да, всё и вымою. Наверняка пострадавшего потом приведут сюда, как меня когда-то. Если буду мешать - скажите, - потёртые кроссовки встали носками к выходу на пороге, а сама Хидна, засучив рукава и машинально потерев ноющий локоть, вслух предположила дальнейшую судьбу угодившего в передрыгу в горах и зашлёпала по дощатому полу босыми ногами напрямик к рукомойнику.

Цэрин Лхаце

Наверное, на комментарий девушки, не слишком довольной отсутствием врачевателя, стоило ответить, но единственным, что смогла изобразить Цэрин, стал легкий кивок, демонстрирующий сожаление отсутствием "хозяина" лазарета. Хотя, дело тут было, скорее, не в вынужденном до прихода дежурной одиночестве, а в ее неспособности оказать помощь тем же тяжелым больным. За время проведенное в монастыре Цэрин Лхаце так и не освоила даже азов удивительной магии, способной поднимать на ноги тех, кто, казалось, был обречен на смерть, смирившись с ролью вечной "санитарки". И если в большинстве случаев это ее полностью устраивало, сейчас травница не отказалась бы от маленького бонуса, вроде способности быстро снимать боль.

Слова девушки о ее связанном с лазаретом прошлом заставили Цэрин Лхаце отвлечься от своей работы и рассмотреть дежурную повнимательнее. Естественно, никаких вопросов известная молчунья задавать не стала, так как лезть в чужую жизнь она не имела права. Но ничто не мешало ей удовлетворить свое любопытство иным способом - попытавшись представить, с какими проблемами могла в свое время столкнуться молоденькая обительница монастыря. Что травница и сделала, позволив себе в течении нескольких секунд поизучать лицо дежурной и практически сразу пожалев о своем опрометчивом решении.

Нередко, глядя на незнакомого человека, Цэрин Лхаце непроизвольно улавливала следы каких-то значимых событий из его жизни. И если сначала эта способность ее сильно раздражала, то со временем травница перестала обращать на нее внимание или заранее переключалась на что-то другое, не желая видеть чужие "грехи". Вот и сейчас, стоило ей на секунду пересечься с девушкой взглядом, в голове мелькнула пара размытых образов, моментально сменившихся сильной головной болью. И с

таким неожиданным эффектом Цэрин Лхаце сталкивалась впервые, словно вместо прошлого у дежурной был какой-то тентук, ковыряться в котором у прорицательницы, принявшейся массировать заломившие виски, не имелось ни малейшего желания.

- Ничего не хочу знать, - практически беззвучно прошептала травница, без подготовки больше не решаясь бросить на босоногую девушку даже мимолетный взгляд. К счастью, та тоже не пыталась завести дружескую беседу или поиграть в "гляделки", судя по звукам, занимаясь делом, ради которого и пришла в лазарет, за что ее можно было только искренне поблагодарить.

Хина Мотидзуки

Как и подавляющее большинство японцев, Сан - пусть её, хафу, можно отнести к титульной нации Страны восходящего солнца с известной натяжкой, - трудиться в команде умеет и любит. Но с размышлениями Цэрин на этот счёт, если бы та вдруг предпочла высказаться вслух, она не согласилась: какая ж это работа в паре? Вместе находиться в одной комнате, даже имея общую цель - подготовить лазарет к приёму нуждающихся в помощи - мало. Каждый занимается тем, что умеет. Темноволосая мастерица - травами; коль скоро вторая девушка в помещении, добровольная дежурная, знаниями о лекарственных растениях не обременена, то остаётся ей взять на себя куда более простой в интеллектуальном плане труд - а именно мытьё пола и вытряхивание циновок. Знакомое ведро под рукомойником, почти до краёв наполненное водой, возвестило о том, что один предварительный этап в виде похода к колодцу можно пропустить. Теперь не забыть бы после уборки налить чистой воды заново.

Тихого шёпота Цэрин Лхаце девушка, деловито собирающая циновки, конечно, не расслышала - не догнать ей самую старшую и самую лучшую сестрицу, которая в исчезнувшем мире, где Хидна мертва и нет там ей места, уже успела освоиться с кошачьим слухом - однако периферийным зрением заметила движение рук травницы к вискам, чуть нахмурилась, снова направила сумрачный взгляд в сторону низкого столика и на секунду застыла.

Хрр-русть! - говорит одна из тоненьких, едва заметных трещинок в ментальном монолите, расползаясь на один-другой миллиметр в стороны. Вот Юми, приехавшая поздравить Сан с поступлением в среднюю школу, только что сидела на полу в хидниной комнате, высланной татами, и почти беззаботно болтала, пусть и с напряжённым выражением лица - а в какой-то момент поморщилась и прижала пальцы к виску. Следом к бледному лицу поднимается и другая рука; Юми с силой проводит ладонями по щекам и вновь улыбается, делая вид, что ничего не произошло - ведь младшая Судзуки уже позабыла, о чём они только что говорили, и всецело сосредоточена только на самочувствии старшей родственницы. Но сейчас имя сестры, её тёмные глаза, манера говорить и держать себя - и её значимость, - ускользают из мимолётного захвата памяти полукровки, точно песок сквозь решето с крупной ячейей.

К необъяснимым шебуршениям в черепной коробке, возникающим бессистемно и без какой-либо логики, когда видимых поводов к тому, казалось бы, нет, приёмная Мотидзуки давно привыкла и в очередной раз не придавала особого значения

ощущению, чем-то напоминающему дежа вю. А поскольку девушка за столиком более не проявляла признаков внезапного недомогания, продолжив перебирать веточки одной ей известного назначения, Сан тоже вернулась к работе: чуть дёрнув головой, переместила циновки ко входу в лазарет и вооружилась ведром с тряпкой.

Цэрин Лхаце

Постепенно головная боль прошла, и Цэрин смогла не только продолжить свое занятие, но и украдкой бросить взгляд на девушку, отвечающую сегодня за чистоту в лазарете. Благодаря самонастройке никаких неприятных ощущений не возникло, давая Цэрин Лхаце возможность спокойно выдохнуть и вернуться к заготовкам для настоя, и на какое то время в лазарете установилась относительная тишина, прерываемая лишь звуками шуршания по полу мокрой тряпки и шлепанья босых ног. Сама же травница, как это обычно и бывало, вела себя максимально тихо, быстро закончив с травами и бесшумно проследовав чайнику, вода в котором закипела незадолго до появления в лазарете дежурной и вполне подходила для приготовления настоя. Еще несколько привычных действий, и вот горячая баночка, распространяющая вокруг себя специфичный аромат трав, была аккуратно прикрыта и отставлена в темное прохладное место, где и должна была дожидаться часа, когда ее заберет женщина, некогда давшая им с Кету пристанище.

Закончив возиться с травами и убрав после себя со столика, Цэрин Лхаце хотела уже было переключиться на какую-то другую работу, способную как-то скрасить время до возвращения врачевателя, как ее внимание привлек подозрительный шум, результатом которого стало появление в проеме лохматой головы, принадлежавшей известному деревенскому пьянице, закрутившейся так, словно она планировала в ближайшее время оторваться от шеи.

- Одна мелюзга бесполезная, - после быстрого осмотра помещения объявила голова, - придется самим тушить. - После чего голова исчезла, а мимо входа в лазарет проскользнуло здоровенное тело, явно спешащее разобраться с какими-то очередными деревенскими проблемами и оставляющее Цэрин Лхаце в некоторой растерянности. С одной стороны, девушке хотелось выяснить, что же произошло у деревенских жителей, а с другой, чувство долго заставляло остаться на вверенной ей территории до возвращения врачевателя. И, пока прорицательница больше склонялась ко второму, последнее время стараясь удерживать себя от импульсивных решений.

Хина Мотидзуки

Шурх... шурх! Двумя руками работалось бы куда более споро, но пострадавший накануне локоть с трудолюбием хозяйки не согласен - конечностей, действующих как надо, в её распоряжении сейчас с натяжкой полторы. Но разве настолько малозначительная ерунда Хидну остановит? Уборка сама себя не сделает; лазарет всегда должен быть в околостерильном состоянии, а потому хафу считает одну чисто вымытую половицу за другой, не обращая внимания на тянущую боль в локтевом суставе, мешающую тряпке двигаться по ним быстрее. На одну из досок - теперь уж не вспомнишь, на какую, - некогда капала из курносого носа кровь, пока его безымянная обладательница цеплялась за Тео, точно утопающий за соломинку, не понимая, что с ней происходит и кто она вообще.

Наверное, практически бесшумная идиллия, сопровождаемая одними только звуками перемещений тканой ветоши по дереву и редкими позвякиваниями со стороны столика, была до неприличия идеальной, чтобы оставаться таковой и далее. Судзуки, настроенная исключительно на отдраивание пола, развернулась на шум с опозданием - нарушитель спокойствия уже исчез - и, определив местонахождение травницы, с вежливым недоумением заглянула ей в глаза. Правда, выражение лица и взгляд, адресованный человеку, к которому Хидна не испытывает никаких эмоций, больше напоминают те, с какими смотришь заезженный и известный от кадра до кадра рекламный ролик - который продекламируешь безошибочно, хоть среди ночи разбуди - а оттого невероятно скучный. Мгновением позже до полукровки дошёл смысл слов внезапного посетителя. Прервав краткий зрительный контакт и отложив тряпку, девушка поднялась на ноги, хрустнула позвонками натруженной спины и шагнула к выходу.

Слабый запах гари, робко пробивающийся сквозь душистый аромат зелья, справленного травницей и разошедшийся по всему лазарету, полукровка унюхала только у порога, торопливо выглянула наружу - и парой секунд спустя, натянув кроссовки, молча метнулась на улицу, в центр поселения, к источнику дыма. План возник сам собой: магия способна не только дарить жизнь пламени, но и отнимать её. Да, деревня дала девушке меньше, чем Линь Ян Шо, но здесь она фактически родилась - не было бы Мотидзуки Хины, не выйди к ней женщина с ковшом воды и потёртой обувью в руках. Если не все, то очень многие жители деревни поступили бы так же. Чувство долга прокладывает рельсовый путь, с которого не свернёшь, напрямик к горящей постройке - не помочь или хотя бы не попробовать Сан просто не может.

Размахивая незавязанными шнурками, при каждом шаге рискуя наступить на один из них, споткнуться, на полной скорости нырнуть рыбкой лбом в камень и расшибиться насмерть, хафу бегом проделала расстояние в кратчайшие сроки. Листы офуда с заклинанием Джунга остались в комнате... а если бы и были - возможно, уже утратили силу. Она так и не выяснила, можно ли заготавливать офуда впрок или же магия, заключённая в рукописных ханьцзы, ограничена по времени. В какой-то момент послышался оклик "Хина!"; вероятно, кто-то из деревенских приметил знакомую обительницу близлежащего монастыря, несущуюся во весь опор, и позвал по имени - Хидна не отреагировала. Судя по всему, очаг пожара находится на втором этаже, но пламя постепенно спускается и на первый. Поскольку у входа в дом вовсю суетились местные, а объяснять задуманное растревоженным людям некогда - даже Лхамо ещё не известно о её даре, - девушка, сгруппировавшись в прыжке и оперевшись о подоконник правой рукой, словно опытный паркурщик, влетела в помещение через настежь распахнутое окно. Все слова, извинения за самовольство - потом. В эту минуту важно только одно: успешно применить на практике то, о чём она пока только читала.

Цэрин Лхаце

Цэрин Лхаце не любила принимать скоропалительных решений и в условиях, когда действовать следовало быстро, чувствовала себя не самым комфортным образом. Особенно, если речь шла о необходимости нарушить данное обещание. Последнее так и вовсе словно жгло грудь раскаленным металлическим прутком, не позволяя покинуть вверенный ее заботам лазарет. Пусть сейчас у жителей деревни явно

хватало других забот, кроме как обращаться к врачу за медицинской помощью с какими-нибудь мелкими болячками.

Но если прорицательница не решалась высунуть нос из своего маленького, пропахшего травами мирка, то шустрая дежурная колебалась недолго, быстро разведав обстановку и бросившись в ту же сторону, куда и обладатель лохматой головы, не впечатлившийся видом временных обитательниц лазарета. И тут уже Цэрин Лхаце не удержалась и разрешила себе если и не сразу последовать за девушкой, то, хотя бы, выглянуть "в большой мир" и попытаться разобраться, с чего вся эта суета.

Не ощущаемый ранее запах гари неприятно защекотал ноздри, вызвав в голове воспоминания об организованном братом поджоге, в результате которого пострадали Джун и Маркус. Тогда она ничего толком не смогла сделать, не сумев остановить Кету и свалив решение проблем на дежурящую в лазарете Маргариту. Но сейчас ждать помощи было неоткуда, и после недолгих колебаний Цэрин Лхаце метнулась к столику, на котором лежала ее сумка с травами и сделанными ей самой мазями, схватила вместилище своих личных сокровищ и бросилась в сторону рынка, куда уже успела стянуться большая часть свободных деревенских жителей.

Как оказалось, пожар начался в хорошо всем знакомом доме, расположенном рядом с рынком. Старая Дулма - хозяйка дома, чей сын и заглядывал в лазарет, заламывала руки и что-то причитала, в то время как самые ответственные жители уже тащили первые емкости с водой. В нескольких метрах от того места, где остановилась Цэрин Лхаце, расположился живущий неподалеку старик Жонг - единственный оплот спокойствия во всей этой кутерьме. Один из старейших жителей деревни, несмотря на свой преклонный возраст умудрившийся сохранить чуть ли не идеальную осанку, задумчиво потирал жиденькую седую бородку, обводя всю собравшуюся компанию цепким взглядом. Но заметив внимание травницы к своей персоне расплылся в улыбке, словно горящий дом являлся всего лишь ничего не значащей декорацией к основному действию.

- А твоя подружка прыг... и уже внутри, - сообщил старик, хотя в его адрес не последовало ни единого вопроса. - Шустрая девчонка. Немного на мою четвертую внучку похожа. Или на пятую...

Старик принялся усердно загибать пальцы, перечисляя всех своих многочисленных внуков, а Цэрин Лхаце снова повернула голову в сторону дома, чувствуя легкое волнение. Судя по всему, сегодняшняя дежурная по лазарету была магом Огня, но ее способности являлись для травницы загадкой. И пытаться развеять над ними "туман", заглянув в будущее, после уже имевшего места столкновения со странным прошлым, девушка не испытывала ни малейшего желания, готовясь действовать по ситуации и все крепче сжимая в руках свою драгоценную сумку.

Хина Мотидзуки

Даже маг может угореть в пожаре - и Хидна, проштудировавшая десятки страниц трактатов, заметок и прочих трудов неизвестного авторства в монастырской библиотеке, ища информацию о собственных силах, это знает, поэтому на второй этаж, в самое пекло, соваться не стала. Даже внизу дым ест глаза, а дышать

практически нечем. Собственно, пламени как такового, жара и вероятных ожогов девушка совершенно не боится: мысль, догнавшая буйную голову уже в задымлённом помещении, гораздо страшнее. Припав к полу, почти как бегун на низком старте, подальше от собирающейся под потолком смрадной пелены - пальцы расставленных рук распластаны по чему-то, на ощупь напоминающему циновку; одно колено даёт третью точку опоры, другое почти касается плеча - Судзуки теряется, на бегу не придумавшая самого главного. Не как побыстрее помочь местным избавиться от пожара, а...

...что именно делать?

- Манипура словно бы не слышит меня. Слушает, но не слышит. Приходит на зов, да, но поступает по-своему. Как будто мы... говорим на разных языках и не должны, да, иметь ничего общего. Я не понимаю её, - в какой-то момент хафу, сидящая на самом краю обрыва в компании девушки по имени Лиза и по просьбе собеседницы продемонстрировавшая владение магией, чуть было не поделилась с нею своими затруднениями, но в последний миг передумала и сказала совсем другое, уклонившись от темы. Трудности - оправдание безвольных. Материалы в библиотеке дают ответ: распределить по телу, пропустить через себя и сбросить энергию в пространство, высосав из неё стихийную силу. Или же аккумулировать внутри, спрессовать, насколько хватит места, и постепенно понижать температуру... но как это сделать, если свой знакомый-то "огонёк" за грудиной слышишь еле-еле и отнюдь не всегда, а бегущую к кончикам пальцев текучую чакру ощущаешь уже на самом выходе, когда она готова сорваться с ладони вспышкой пламени? Хидна ни разу не пробовала целенаправленно унять даже собственное огненное творчество, позволяя ему затухать самостоятельно - что уж говорить о *внешней*, бесхозной стихии. Диалога с пожаром не выходит. Предоставленный самому себе огонь молчалив, глух и чужд.

Сан ошибается. Пусть стихия Огня действительно ей не родная - она никогда не открылась бы человеку, не близкому ей хотя бы отчасти. Так случилось, что Манипура младшей Судзуки куда сильнее ведущей Муладхары; перехватив лидерство, коварная жёлтая чакра, успокаиваемая плотной и тяжёлой красной по мере сил последней, не даёт взять над собой контроль всего лишь по причине унаследованного слабого восприятия своих чакр, с чем сталкивался и отец полукровки в молодости, и её самая старшая сестра прямо сейчас.

Пока текут доли секунды редчайшего явления, кажущегося бесконечными часами - Хидна растеряна и сомневается, - хитрая жёлтая Манипура, разбуженная бушующей вокруг энергией, времени даром не теряет. Разумеется, на свой лад. *Не можешь победить - возглавь. Подчини! И не как гласят библиотечные книжонки: медленно и осторожно "выпуская пар". Нет. Ты в эпицентре стихийных сил, и они - ничьи! Всего лишь нужно протянуть руку и взять - взять всё, без остатка. Не гасить, но сжать, точно воздух в баллоне, пригодится. Разве не этого ты искала?..* - шепчет маленький, обманчиво спокойный огонёк из груди, метко попадая в самое слабое место хозяйки. Девушка, по наитию поднимая с пола ладони и разводя их в стороны, замечает, как зрение резко теряет чёткость - но отравление продуктами горения и подступающая гипоксия здесь ни при чём. Наоборот, с каждым мгновением дышится всё

свободнее, а безобидный язычок пламени внутри словно сменяется областью низкого давления: совсем как в сердце тайфунов, знакомых жительнице японского архипелага с детства.

Входная дверь с грохотом захлопнулась; развернуть вихрем движение чакр внутрь, в обратную сторону, получилось интуитивно - и заодно на расстоянии, но как руками, почувствовать каждый горящий предмет на втором этаже, стараясь не потерять сознание от переизбытка ворвавшейся в тело энергии и равномерно размазать её подальше от средоточия Манипуры в груди. Вобрать в себя всё, как бы ни желалось алчному огоньку, не вышло. Не влезло. Но пожар стих: Хидне удалось забрать у стихии основную мощь, и оставшиеся разрозненные языки пламени, наверное, можно попробовать сбить простым мокрым полотенцем. Позади скрипнула дверь, в дом неуверенно заглянула чья-то голова; хафу, в свою очередь, поднялась с пола - лицом блее мела, зато с ярким румянцем на щеках, какого даже в минуты сильнейшего стыда перед отцом за свои проступки не бывало - и неловко, лишённая недавней грации, вывалилась на улицу тем же путём, каким проникла в помещение.

Сил хватило только на полтора шага: едва отлепившись от подоконника, Судзуки изнеможении брякнулась на землю, кое-как удержавшись в сидячем положении. Хочется есть, пить, а ещё сильнее - прокашляться и прочихаться. Было бы удивительно, если в дыхательные пути не попала хоть какая-то дрянь. Но, помимо запланированного обыкновенного "апчи", рефлекторное сокращение мышц и диафрагмы вдобавок вытолкнуло в воздух небольшой огненный грибок, на секунду родня полукровку с карикатурными мультипликационными драконами - зато сразу стало немного легче. Тряхнув растрёпанными волосами, девушка подняла голову, заметила рядом размытые силуэты и, несколько раз до отказа сжав веки, постаралась сфокусировать на них взгляд.

Цэрин Лхаце

Что происходило в доме в течение нескольких минут, пока желающие принять участие в тушении пожара постепенно стягивали свои силы к пострадавшему жилищу старой Дулмы, переставшей причитать и принявшей отчитывать своего великовозрастного сына, Цэрин Лхаце представляла смутно. Конечно, она могла бы использовать имеющиеся в рукаве козыри и узнать о судьбе молоденькой обительницы монастыря, но пока колебалась, не имея обыкновения полагаться на свои способности сильнее необходимого. Слишком уж ярким отпечатком в ее памяти оставалась история о попытках спрятать брата от Джуна из-за неверно истолкованного видения, чуть не приведшая к смерти самого дорогого для нее человека. И пока имелись иные варианты, прорицательница предпочитала роль стороннего наблюдателя, готового в любой момент стать частью команды импровизированных пожарных или кем-нибудь вроде младшего медицинского работника.

К счастью, топтаться на месте, наблюдая всеобщую суету долго не пришлось. Девушка, еще недавно активно махавшая тряпкой в лазарете, эпично выбралась из дома и изобразила кого-то, напоминающего маленького, объевшегося славными войнами дракончика. Теперь сомнений не оставалось ни у кого - маг Огня внесла свою посильную лепту, позволяя деревенским закончить работу. Но подобная незапланированная магическая тренировка ей явно далась нелегко. Выглядела

девушка заметно помятой, вызывая у Цэрин Лхаце самую простую и очевидную реакцию - постараться выяснить ее состояние и, в случае необходимости, оказать посильную помощь. Чем травница и занялась, сократив расстояние до "поклонницы паркура" и мягко опустившись рядом с ней на землю.

- Если вам не трудно, сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов, а потом прислушайтесь к ощущениям в своем теле и, пожалуйста, опишите их как можно точнее. - Когда дело доходило до оказания первой помощи, Цэрин Лхаце демонстрировала, за какие заслуги врачеватели не гоняли ее из лазарета, несмотря на отсутствие соответствующих способностей. Не умея лечить магией, девушка брала на себя немало черновой работы, вроде поддержки пациента в период, когда врачеватель не имел возможности сразу им заняться. И сейчас травница автоматически переключалась на привычное ей поведение, собирая важную информацию, а заодно и проводя внешний осмотр, с целью обнаружить какие-то внешние повреждения. Позвякивающие в ее сумке пузырьки в случае необходимости могли быть в любой момент открыты, но пока Цэрин Лхаце не видела причин для лишних волнений за здоровье новой героини семейства старой Дулмы. Кроме самой хозяйки дома - все еще крепкой, несмотря на преклонный возраст женщины, немного успокоившейся после того, как огонь перестал представлять угрозу, и быстрым шагом направившейся к спасительнице ее многочисленного барахла с явной целью задушить еще до конца не пришедшую в себя девушку в объятьях.

Хина Мотидзуки

Конечно, "пожарную", самовольно и беспардонно ворвавшуюся в чужое жильё, без внимания по окончанию действия не оставили. И неудивительно - выглядит Судзуки со стороны и впрямь более чем плачевно. Одежда успела пропитаться дымом и теперь неприятно пахнет; бледность девушки, уставшей после серьезных и непривычных для неё магических манипуляций, обещает зрителям обморок как минимум, преувеличивая реальное положение дел, а щёки, покрасневшие от "энергетического переедания", алеют так сильно, словно два человеческих силуэта впереди щеголяют голышом на виду у всей деревни и ни капли не стесняются. Взлохмаченная шевелюра довершает общую картину, помимо прочего содержащую слабое напоминание о ещё недавно числившейся в живых Фернандез Яреци, одним из последних деяний которой стал несостоявшийся удар по лицу увернувшейся оппонентки. Заметно асимметричные пряди волос, опаленные по одну сторону лица пламенем с руки ныне почившей странной девушки, подравнивать ножницами или вовсе остригать совсем коротко Хидна не стала, сама того не желая оставив их своеобразным памятником Фернандез - и намёком на характер Манипуры, способной не только тушить пожары.

- Бывало и лучше, - невпопад выдала полукровка, когда один из силуэтов приблизился, превратившись в давешнюю травницу из лазарета, но дальше переварила фразу и рваным темпом дала рапорт о самочувствии, предусмотрительно отвернувшись чуть в сторону от присевшей рядом длинноволосой девушки, прежде чем выполнить указания. Сделать глубокий выдох? Вот как выдохнет сейчас снова... и станет стрижка травницы больше похожа на, собственно, хиднину. - Жарко. Очень... да. Перед глазами плывёт всё, в ушах звенит и живот сводит, есть хочется. И пить. Хоть глоточек... нет, стакан. А лучше кувшин.

Два, да.

Ещё чего - размечталась, как говорится. Вместо явления вожделенных кувшинов со студёной водой, способной не только унять жажду, но и немного уравновесить нарушенный баланс сил "горячее - холодное", младшую Судзуки быстро настигла кара за самоуправство. Чьи-то шаги со стороны пожарища, касание чужих рук, травнице не принадлежащих - мгновение, и хафу уже сцапана неожиданно сильным капканом, представляющим собой хозяйку горевшего строения.

- Таши-де-ле... я хотела сказать... извините, да, - некоторое время Хидна, точно мешок с цементом, беспомощно болталась в крепком захвате то ли благодарной, то ли весьма оригинальным способом желающей добить непрошеного вторженца жительницей деревни, еле выдавливая из себя слова оправдания. Язык слегка заплетается, но Судзуки, несмотря на общее состояние, сейчас близка к эйфории, а в голове сами собой вспыхивают неуместные мысли. *Будь на месте старухи тот самый, с мечом Триколенко-сенсея - и от него не осталось бы даже пепла.* Ощущение необычайного прилива магической мощи трудно описать словами, зато другое, более досадное, куда как легче: девушке не хватает воздуха. - но это мой долг, каждый обитатель Линь Ян Шо поступил бы так. И мне дышать нечем, отпустите меня-а-а...

Цэрин Лхаце

По счастью, девушка вполне могла говорить и даже складывать из слов внятные предложения, подтверждающие догадки Цэрин Лхаце. Пусть прорицательница ничего и не смыслила в стихийной магии, ей вполне хватило ума понять, что может произойти, если вобрать в себя энергию огня. Конечно, у кого-нибудь из мастеров этот эксперимент прошел бы намного проще, но поскольку оных в деревне не наблюдалось, молоденькая обитательница монастыря столкнулась с не самыми приятными последствиями "переедания", которые, впрочем, Цэрин Лхаце не посчитала критичными. Вероятно, для начала стоило просто позаботиться об удовлетворении физиологических потребностей, одновременно с этим позволяя лишней энергии окончательно распределиться по телу. И если бы не вмешательство старой Дулмы, с ее бурным проявлением благодарности, травница уже отправилась бы за водой. Но оставлять обитательницу Линь Ян Шо на растерзание хозяйке пострадавшего дома, не горящей желанием легко выпускать свою добычу из рук, было слишком жестоко, а потому Цэрин Лхаце уже открыла рот, планируя присоединиться к просьбам жертвы удушения, но так и не успела сказать ни слова.

- Ты, старая, совсем сдурела? - раздался голос подошедшего старика Жонга, не смущающегося тем фактом, что его соседка родилась лет на пятнадцать-двадцать позже, чем он сам. - Задушишь девчонку. Ты лучше остальным помоги. А то бездельничаешь, когда другие твое добро спасают. - И, удивительным образом, суровая и твердая, как скала, женщина смутилась и, пробормотав слова благодарности, выпустила свою "жертву" из капкана рук. А затем и вовсе отправилась к дому, одновременно с этим снова принявшись по всякому склонять нерадивого сына.

- И ты, Цэрин, не спи, а води свою подружку ко мне. Нечего тут расслаиваться. Пусть отдохнет немного, воды попьет, да перекусит. - С этими словами старик

развернулся и направился в сторону своего дома, всем своим видом показывая, что девушкам стоит отправляться следом.

Около минуты Цэрин Лхаце пребывала в некоторой растерянности, догадываясь, что старик быстро их не отпустит. Останься она с новой героиней старой Дулмы, и ей придется нарушить данное врачевателю обещание следить за лазаретом. Но, с другой стороны, если кому сейчас и требовалась ее внимание, так это молоденькой пожаротушительнице. И, после некоторых колебаний, травница решила все же последовать совету старика, больше напоминающему приказ.

- Вы сможете пойти со мной? - спросила Цэрин Лхаце, протягивая девушке руку. - Нам нужно в один из домов по соседству. Там вам дадут попить и отдохнуть. И, если что, не стесняйтесь на меня опираться. - Сегодняшняя дежурная по лазарету явно превосходила травницу по росту и весу, но извечная ассистентка врачевателей привыкла помогать передвигаться больным и раненым и, несмотря на внешнюю хрупкость, не боялась практически никаких нагрузок.

Хина Мотидзуки

Задохнуться на свежем воздухе, выбравшись из ещё совсем недавно горевшего здания, было бы весьма обидно - интересно, как Тео и Мотидзуки-сама бы отреагировали на столь нелепую кончину своей питомицы? Тьфу. Нет, отправляться догонять девушку по фамилии Фернандез Хидне ещё совсем рано, и уж точно не посредством благодарных объятий пожилой жительницы деревни. Расчёт рыночной стоимости третьей дочери семьи Судзуки с точностью до иены, пожалуй, стоит оставить тем, чьи лапы до молодой укротительницы пламени уже не дотянутся - к тому же, саму её мало беспокоит как своя цена, так и товарный вид. У Хидны собственный курс валют и прочих ценностей: свою жизнь она при случае продаст гораздо дороже, чем можно было бы выручить со всего нехитрого имущества старой Дулмы вместе взятого. Но всему своё время, об этом тоже преждевременно задумываться - тем более, желающих вызволить вяло сопротивляющуюся беднягу с каждой минутой становится всё больше.

- Да, конечно. Спасибо... Цэрин, - оставленная наконец в покое Сан не нашла, что ответить удалившейся старой женщине, коротко оглянувшись ей вслед и, с облегчением вдохнув полной грудью, охотно ухватила за предложенную руку травницы - за запястье, глубоким хватом парного гимнаста, крепким и надёжным. Впрочем, оказавшись на ногах, полукровка сразу отпустила девушку, пусть эти самые ноги не слишком твёрдо держат хозяйку в вертикальном положении. Во-первых, за годы жизни в Японии, как ни крути, привыкаешь к определённому минимуму тактильных контактов с людьми; стараниями Дулмы дневной лимит исчерпан с лихвой. И, во-вторых - зачем опираться? Да Судзуки нужно всего лишь немного отдышаться, и она сама миниатюрную травницу, которую называли странным именем Цэрин, на плечах носить сможет. Отобрав у пожара ударную дозу стихийной энергии, хафу чувствует необычайный душевный подъём, а физическая усталость - ерунда. За безопасность сенсея, когда он вернётся из Японии, теперь даже беспокоиться как-то глупо...

Одной мимолётной мысли хватило, чтобы механизм под названием "Манипура", заправленный топливом сверх меры, заскрежетал шестернями. Как обычно,

активность внутреннего пламени Хидна заметила только в самый последний момент - когда жёлтая чакра, стремительно пробежав по руке к кончикам пальцев и обретая за пределами тела материальный вид, закапала на землю капельками, точно горящий напалм. Тряхнув рукой и более не обращая внимания ни на упавшие вниз маленькие огненные язычки, сотканые из её магической силы, ни на отозвавшийся тупой болью локоть, горе-пожарная заглянула потеплевшим взглядом в глаза вежливой девушки и шагнула следом за стариком, чья воля освободила её от излишних нежностей.

Цэрин Лхаце

Цэрин... Почему-то многие жители монастыря, да и кое-кто из деревенских предпочитали именно первую часть ее имени, опуская вторую или вообще считая ее фамилией. И, воспринимая такой вариант как нечто само собой разумеющееся, травница не стала поправлять ухватившуюся за ее руку девушку, которая, вероятно, просто повторила за стариком Жонгом. В конце концов, именно так родители и планировали назвать первенца, вне зависимости от его пола, желая ему перебороть семейное проклятие и прожить долгую жизнь. Добавление "Лхаце" появилось уже после рождения, когда родственники и соседи начали восхищаться очарованием и изяществом малышки, как утверждали старожилы, унаследовавшей немало от бабки, в свое время славящейся красотой и безумием на всю волость Домар. К счастью, второе не передалось Цэрин Лхаце через поколение, иначе ее судьбы была бы более чем незавидна и уж точно не вела сейчас прорицательницу в сторону дома старика Жонга, в компании молоденький "укротительницы огня."

Поскольку девушка решила идти сама, Цэрин Лхаце не стала настаивать на своей помощи, сделав полшага в сторону, дабы они обе могли чувствовать себя достаточно свободно. Не издала травница ни звука, и когда рядом с рукой второй будущей гостьи местного старожилы вспыхнули язычки пламени, лишь рефлекторно вздрогнув от неожиданности. Цэрин уже неоднократно видела магию в деле, но все еще не могла до конца привыкнуть, если та использовалась без какого-то предупреждения или, как в этом случае, произвольно. И, надеясь, что ее реакция не будет истолкована неверно, выждала пару секунд и мягким, практически бесшумным шагом напарилась следом за девушкой, став замыкающей в этой маленькой процессии из трех человек.

- Вот, вроде, молодые, я еле ноги переставляете, - раздался голос старика Жонга, когда девушки друг за другом добрались до его дома. - Кушаете что ли плохо? Так мы это сейчас исправим. И что вы там глазастыми статуями встали? Проходите уже шустрее.

Старик указал рукой в сторону центральной комнаты, неплохо просматриваемой сразу из прихожей. Чистенькое, благодаря стараниям добровольных помощников старика из деревенских жителей, помещение своим убранством мало чем отличалось от аналогичных комнат в соседних домах. Разве что небольшими размерами стоящего по центру столика, за который хозяин и пригласил их жестом присесть, временно скрывшись в районе вероятной кухни.

- Как тебя звать, попрыгунья? - снова послышался на удивление звонкий для преклонных лет его обладателя голос, перекрывающий звук льющейся воды. И,

когда до нее дошел смысл вопроса, Цэрин Лхаце почувствовала некоторую неловкость, поскольку ей самой даже в голову не пришло узнать имя девушки, упорно называемой стариком ее подругой. Но, видимо, общению ей еще предстояло учиться и учиться, если она планировала последовать совету Джуна и хотя бы немного изменить привычное для нее положение вечной одиночки.

Хина Мотидзуки

Двигаясь следом за престарелым, но в то же время не по внушительным летам осанистым жителем деревни - при каждом шаге ступая подошвами кроссовок намного осторожнее обычного, дабы снова не повело от неприятного головокружения, пытаюсь запереть ищущую выход Манипуру в её "владениях", и спиной чувствуя взгляд девушки, идущей в хвосте - младшая Судзуки слегка запоздало поняла: выговор травницы по имени Цэрин неуловимо отличается от общепринятого в Линь Ян Шо, больше напоминая речь "флагмана" их небольшого конвоя, Лхамо-доно, её маленького внука и прочих обитателей деревни. Поначалу с той же Лхамо приходилось изъясняться едва ли не жестами. Адаптация в совершенно новом социуме не заставила себя долго ждать: бесконечные часы за словарями превратили крошечный задел познаний китайского в достаточно свободное владение языком, отшлифованное общением и с деревенскими, и с монастырскими. Тем не менее, полукровка заметила разницу - а также реакцию Цэрин на своеволие огненной чакры, в буквальном смысле вылившееся на землю горящими сгустками.

Что-что, а пугать пришедшую на помощь девушку с необычным именем, не в пример многим монастырским европейцам корректную, Хидна ни в коем случае не желает, вдвойне сосредоточившись на ощущениях за грудиной. "Цэ-рин"... а имя ли это вообще? Может, фамилия? Похоже на то.

Стоптаные и разношенные кроссовки, бывшие некогда белоснежными - а сейчас, ко всему прочему, несущие на истёртых носках следы сажи - заняли положенное им место: у входа в жилище почтенного и, судя по манере общения как с местными, так и двумя молодыми девушками, достаточно экспрессивного старика.

- Я не попрыгунья, - Судзуки, послушно заняв указанное место за столиком, невозмутимо поправила хозяина дома, после недолгих субъективных оценок физической формы гостей скрывшегося в соседнем помещении и вещающего уже оттуда. С продолжением хафу повременила, вежливо предпочитая дожидаться его возвращения и глубоко, равномерно дыша.

- Меня, да, Хидна зовут. Или Мотидзуки Хина - возможно, вы знаете Мотидзуки-сенсея? Он с супругой проживает наверху, в монастыре. Я его родственница, - представляясь по всем правилам, полукровка низко склонила голову и плечи, проявив необходимый минимум уважения старику, а после глянула на травницу, однозначно давая понять, что следующий вопрос касается и её тоже: - Как я могу к вам обращаться?

Цэрин Лхаце

Девушка, названная стариком попрыгуньей, первой заняла место за столиком, оставляя Цэрин Лхаце, как и раньше плестись в хвосте. Хотя травницу роль вечной

замыкающей ничуть не смущала. Она не относилась к числу людей, летящих вперед сломя голову, предпочитая мягко и как можно более незаметно оказывать поддержку тем, кто занял позицию на передовой, даже передвигаясь так тихо, словно она являлась бесплотной тенью, а не живым человеком. Тенью, вроде тех, что долгие годы кружили вокруг брата, постепенно превращая его в жалкое подобие разумного существа...

- Опять Мотидзуки? - голос вошедшего в комнату старика отвлек Цэрин Лхаце от несвоевременных мыслей, возвращая к реальности. - Вашего брата я хорошо знаю. Уже больше десятка лет. Вон, у меня тут даже комната вашей родни имеется. - Рукой с полным воды стаканом один из старейших жителей деревни махнул в сторону ближайшего к Мотидзуки Хине прохода, второй рукой водрузив на стол гигантскую кружку. Но даже не внушительные размеры емкости для воды поразили травницу в первую очередь. Жонг каким-то удивительным образом либо услышал их разговор с добровольной пожарной, либо сам догадался о ее потребностях, в очередной раз вызывая вопрос, является ли он вообще человеком.

- Что-то японцев и европейцев здесь скоро станет больше, чем тибетцев. Мы с тобой уже практически вымирающий вид. - Старик подмигнул Цэрин, ставя перед ней стакан, и продолжил. - Можешь звать меня старик Жонг. Меня здесь уже лет пятьдесят так называют. - И хозяин дома разразился каркающим смехом, удивительным образом поменяв звучание своего голоса. И в этот момент травнице показалось, словно старик и не шутил, а уже родился старым примерно в то же же время, что и появилась сама деревня, и чтобы как-то скрыть этот факт время от времени менял себе имена. По крайней мере, по деревне ходил слух, что имя Жонг не было дано ему при рождении, а по неизвестной причине стало своеобразным прозвищем, закрепившимся на долгие годы.

- А меня можете называть, как и раньше, Цэрин. - Понимая, что ответа ожидают не только от старика, травница позволила себе нарушить молчание. - Или полным именем - Цэрин Лхаце. Если что, у меня нет фамилии. Только двойное имя.

Последнее прорицательница решила уточнить из-за постоянной путаницы, связанной с непривычными для иностранцев тибетскими традициями. Многие коренные тибетцы до сих пор не имели фамилий, а потому нередко увеличивали имена, как в ее случае или как в случае Кету, оказавшегося тезкой сразу двух жителей деревни, а потому получившего в качестве прибавки к имени упоминание места рождения. Но пока вопросов по этому поводу ей не задавали, Цэрин предпочитала не вдаваться в лишние подробности, вместо этого поблагодарив Жонга за воду и взявшись за любезно предложенный стакан.

Хина Мотидзуки

- Правда? Странно тогда, да, что о вас ничего раньше не слышала... - названная Мотидзуки, благодарно приняв предложенную ей спасительную ёмкость с водой, неожиданно монструозных размеров, не знает, насколько гостеприимный дед сведущ в структуре родового древа её приёмного семейства - где со слов Джуна молодых девушек сильный дефицит, исключая жён носителей славной фамилии, - а потому поддерживает оговоренную с наставником легенду о её происхождении, не вдаваясь в подробности. - Хотя я давно в монастыре, да, и в деревне бываю часто.

Мотидзуки-сама по возвращении надо бы расспросить о внезапно обнаруженной в одном из деревенских домов "фамильной" комнаты - и заодно разузнать возраст Жонга, чьё игривое поведение, расплывчатые формулировки и сопровождающий фразы смех налагали на короткий рассказ о себе печать сомнения. Но сейчас высказываться вслух Сан сочла излишним: зачем подставлять сенсея, рискуя неосторожно ляпнуть что-то не то, чему подпавленные мозги уверенно способствуют? Стоит хоть немного привести себя в норму - чем девушка и не замедлила заняться, ухватив необъятную кружку обеими руками.

Пусть Хидна и не Альф, хотя феноменальной прожорливостью куда как похожа - подозрения развеивает кончик носа, задорно задранный вверх, тогда как киношному пришельцу полагается иметь противоположный, да размерами побольше - но жидкость, убывающая со скоростью работы хорошей помпы, всё-таки находит где-то внутри хафу бездонную бочку. Впрочем, со снятием симптомов энергетической передозировки нехитрый дар старика тоже справляется. Чрезмерно бледное лицо полукровки понемногу приобретает привычный оттенок, а жгучий румянец на щеках и переносице сходит на нет. Присутствует и чисто насущный стимул включиться: фраза Жонга, произнесённая на улице, адресованная Цэрин и начинавшаяся с "воды попьёт", совершенно точно продолжалась словами "да перекусит". Где же тут расклеиваться, когда тебя посушили ещё и накормить?

- Шпашыба, Жонг-сама, - прогудела Судзуки спустя несколько секунд в наклонённую градусов на семьдесят и поднятую почти до бровей кружку, на свой японский лад дополнив имя хозяина дома - и, услышав ответ Цэрин Лхаце, аж отвлеклась от своего важнейшего занятия. Из-за края посуды показались слегка округлившиеся глаза; недоверчиво склонив голову к правому плечу, точно немецкая овчарка, озадаченная заведомо невыполнимой командой хозяина, девушка совершила могучее глотательное движение и недоуменно спросила: - Нет фамилии? Это как?

Цэрин Лхаце

- Вот ведь неблагодарные мальчишки, - покачал головой старик, несмотря на резкие слова не выглядя ни капли огорченным. - Один несколько лет тут бока грел, а теперь, оказывается, обо мне и не слышали.

По мнению Цэрин Лхаце, уж не хозяину дома было жаловаться на отсутствие известности, поскольку в деревне его знали все. И то, что Хидне или Мотидзуки Хине до этого момента не попадалось о нем никакой информации, являлось не более чем удивительной случайностью. На которую Жонг выдал порцию неразборчивого стариковского ворчания, из которого травница умудрилась вычленить только сильно искаженные слова "японцы" и "бестолковые", что, как ей показалось, было сделано умышленно.

- Жонг-сама, звучит-то как мудрёно, - старик снова что-то пробормотал себе под нос, а затем предпочел временно оставить своих гостей и оправиться на кухню, где с новой силой загремел посудой, напевая мотив старой тибетской песенки. И, воспользовавшись его отсутствием, Цэрин Лхаце решила потратить несколько минут на пояснения, касающиеся отсутствия фамилии, дабы не мусолить одну и ту же тему на протяжении длительного времени.

- У многих тибетцев нет фамилий, - начала травница, предварительно сделав большой глоток воды из выданного ей стакана. - Возможно, раньше вы просто не обращали на это внимание. Так уж исторически сложилось.

Наверное, ей следовало рассказать что-то еще, но прежде чем Цэрин Лхаце смогла дополнить свои слова, в комнату вернулся старик, торжественно водрузив на стол огромное блюдо с пирожками и тарелку с нарезанным кубиками вяленным сыром. И на этом хозяин дома не остановился, скрывшись в, как поняла девушка, своей комнате, чтобы через пару минут снова появиться в главной комнате, торжественно потрясая подозрительной бутылкой.

- Великая удача, - сообщил Жонг, занимая место за столиком. - Думал, этого дивного напитка больше не осталось. - Далее старик, жестом фокусника вынув откуда-то из-за спины три вставленных друг в друга маленьких стакана, принялся восхвалять достоинства странной мутной жижи, в то время как глаза Цэрин Лхаце с каждым его словом увеличивались в размерах все больше и больше. Уж что, а пить не привычная к алкоголю травница планировала в последнюю очередь. Но, неплохо зная чрезмерно гостеприимного хозяина, девушка догадывалась - отказать ему в подобном деле было столь же трудно, как съесть за один присест целого яка. И, с учетом этого, расклад на ближайшее будущее немного пугал непредсказуемыми даже для прорицательницы последствиями.

Хина Мотидзуки

Нет фамилий. Исторически сложилось... разве это оправдание? Но длинноволосая девушка со стаканом в руке, сидящая рядом, судя по всему, говорит серьезно. Ну и дела... Удивлённая полукровка, допивающая последние капли воды из своей гигантской кружки, собеседнице почти сочувствует: как так можно, двойное имя же не компенсирует отсутствия самого главного идентификатора, да и вообще... Но в какой-то момент вспыхивает озарение: Цэрин права. Младшая Судзуки настолько привыкла к Лхамо, что никогда не задумывалась о том ранее, воспринимая как должное: ведь старушка всегда была просто Лхамо, и внук её, смыслённый не по годам Норбу - тоже. Да и сама укротительница огня недалеко ушла от этнических тибетцев, если рассудить здраво. Хидна - на самом деле Хидна, а никакая не Мотидзуки Хина. Почему бы и Цэрин Лхаце не быть такой же "ехидной", совсем-совсем бесфамильной, чем она хуже? Ничем - даже лучше. Ведь *настоящих* имён у неё целых два.

- Поняла. Немного неожиданно, да... Цэрин-доно, - прокомментировала хафу, несколько обескураженная размышлениями и вытекающими из них выводами. Нет, ложными самовнушениями приёмная Мотидзуки себя не тешит, прекрасно понимая, что обретенные ею после встречи с Джуном фамилия и имя не настоящие; однако осознание принадлежности к обособленной группе лиц - в данном случае, семье, - для японки крайне важно, а конкретно для Сан - втройне. По той же причине ей долго не давало покоя "магическое бессилие", словно бы отдаляющее девушку от прочих обитателей монастыря: от общества, представленного самыми разными талантами, но непременно магическими. Со временем проблема исчезла сама собой - как оказалось, нужно было просто подождать.

- Это по-японски, - считая своим долгом защитить "неблагодарных мальчишек", взяв всю вину за неосведомлённость на себя, пояснила Хидна, только и разобравшая в негромком стариковском брюзжании слово "японцы", роднящее её с Джуном и остальными Мотидзуки сильнее всего прочего. Жонга, учитывая его весьма преклонный возраст, понятно как называть, с языка само слетает; с составным именем травницы, поставившим в тупик, уже посложнее, но девушка вышла из положения, по своей логике просто приравняв первое - а значит, более важное, - к фамилии и добавив почтительный суффикс. - а сенсей и родственники ни при чём, это я виновата, да, что мало интересовалась деревней.

Хозяину дома, казалось, до объяснений Судзуки не было никакого дела. Старик, подкрепляя своё обещание действием, устроил целое представление: для начала на столе появилось целое блюдо съестного, которое голодная гостья, потянув воздух вздёрнутым носом, немедленно принялась пожирать глазами, не смея прикоснуться к сыру и пирожкам без разрешения, хотя и без того очевидно, для кого они принесены. Самолично присоединиться к гостям Жонг счёл невозможным без финального штриха в виде бутылки с неведомым содержимым, сдобренной изрядным потоком рекламы, на что Цэрин отреагировала примерно так же, как до того Хидна - на специфику тибетских имён. Если даже эликсир является спиртосодержащим - что в этом такого?

Цэрин Лхаце

На непривычное обращение Цэрин Лхаце на несколько секунд приподняла правую бровь, но постаралась сразу вернуться к своему стандартному выражению лица. В конце концов, Хидна имела право называть малознакомую девушку так, как ей было удобно, если речь не шла об оскорблениях. И хоть травница и не знала, что значит "доно", очень сильно сомневалась в наличии у родственницы Джуна желания назвать ее каким-то обидным словом. Скорее, наоборот, первая известная ей женщина по фамилии Мотидзуки была предельно вежлива по отношению не только к пожилому человеку но и к практически своей ровеснице.

- А вы глазами не хлопайте, - сообщил старик, когда их небольшая компания в полном составе разместилась за столиком и была готова приступить к еде и, судя по всему, насильной дегустации какого-то подозрительного алкогольного напитка. - Пирожки несколько часов назад напекли, а вот сыр и вот это, - Жонг нежно провел рукой по бутылке, - я из Лхасы привез. Дочка делала. Сам Будда никогда такого не пил.

Мутная жидкость полилась в первый из стаканчиков, и Цэрин, предчувствуя серьезные проблемы, сделала несколько судорожных глотков воды. Последний раз она пила спиртное... Девушка и вспомнить не могла, когда это было, догадываясь, что с таким малоопытным дегустатором даже несколько капель горячительного напитка могут сотворить что-то непоправимое. Но старика, казалось, подобные мелочи совершенно не волновали. Буквально через минуту два стаканчика были придвинуты к девушке, а еще один замер в руках Жонга, ожидая возможности быть использованным по назначению.

- Все, давайте уже есть и пить, если вы не собираетесь выказать мне отказом неуважение. - Не планируя больше ждать ни секунды, старик влил в себя

содержимое стакана и довольно заурчал. И Цэрин Лхаце не оставалось ничего иного, как последовать его примеру, побаиваясь, что "знак уважения" сразу начнет прокладывать путь обратно. Но, к счастью, страхи оказались беспочвенными, и подозрительный напиток вместо ожидаемой горечи принес ощущение мягкой сладости и тепла, пока не планируя, как это бывало даже с местным пивом, проситься наружу.

Хина Мотидзуки

Получив разрешение попробовать на вкус свежеспечённые пирожки, источающие соблазнительный лёгкий аромат чего-то мясного, и взявшись за один из них, отставившая кружку-ведро в сторонку младшая Судзуки поймала себя на забавной мысли: нередко её трапезы в деревне сопровождаются неполадками с рукой, тем или иным способом заработанными. Причём, что характерно, каждый раз - с левой. Удовольствие от первой в жизни девушки миски с супом тукпа было несколько омрачено - если не считать, конечно, гипотермию, почти полную потерю памяти и излеченную Тео минутой ранее черепно-мозговую травму, - трещиной в левой ключице, доставляющей сильный дискомфорт при еде; сейчас - мясные пирожки и сырные кубики против злополучного локтя. А несколько месяцев назад, передвигая по просьбе Лхамо тяжёлый сундук, Хидна умудрилась прищемить пальцы, успев отёрнуть только одну руку. Ногтевые фаланги реагировали на прикосновение острой болью ещё несколько дней; со столь дурацкой травмой незадачливая помощница в лазарет обращаться устыдилась, и некоторое время пришлось изображать правшу в столовой уже не по своей воле.

- Что-то не так, Цэрин-доно? - в отличие от старика, чьё выражение лица лучше всяких слов доказывало его удовлетворение как молодой компанией, несмотря на ворчание, так и выпивкой, произведённой в Лхасе его дочерью самому Будде на зависть, травница со своим стаканом близко знакомиться не торопилась. Наверное, не стоит говорить с набитым ртом - но уже второй пирожок сам себя не съест, а рядом нет позабытой Юми с её нравоучениями. Когда ещё пообщаться с родными, если не за завтраком? Папу поди ещё излови до позднего вечера, да и за столом он не всегда появляется, причём чаще - с телефоном. А сама сестрёнка? Шмыг на учёбу - и нет её, а после занятий готовилась, готовилась и ещё раз готовилась в своей комнате к поступлению, забывая даже поесть... А потом и вовсе уехала...

Огорчать Жонга отказом нет ни малейшего желания, да и Цэрин Лхаце, выдержав паузу, всё-таки взялась за стаканчик с мутноватой "мечтой Будды"; свою порцию настойки хафу для начала пригубила самым краешком губ, но уже через мгновение отправила напиток в рот и приподняла уголки губ, прикрыв глаза. Как показала практика, пытаться уgomонить Манипуру пищей и водой - всё равно что тушить жерло извергающегося вулкана жалкой струйкой воды из садового шланга. Глотки сладковатого спиртного словно пришлись подходящим ключиком к замочной скважине: от груди по телу поползли приятные волны, одновременно прохладные и согревающие, расслабляя уставшую "пожарную" и помогая её магической силе сгладить побочные эффекты от недавнего энергетического воздействия на стихию.

Цэрин Лхаце

Колебания не умеющей пить травницы заметил не только чрезмерно радушный хозяин, но и родственница Джуна, в отличие от нее самой не испугавшаяся даров

старика. И пусть Цэрин Лхаце не имела обыкновения рассказывать о своих слабостях, последовавший в ее адрес вопрос требовал хоть какого-то ответа, на который девушка решилась только после маленькой победы над содержимым стаканчика, к счастью, достигнутой без серьезных жертв.

- Нет, все в порядке, - покачала головой травница. - Просто я обычно не пью и... - Цэрин Лхаце так и не смогла договорить, засмотревшись, как в ее стаканчик снова полилась мутная жидкость, перечеркивая все недавние достижения. - Простите, напиток вашей дочери прекрасен на вкус, но нам нужно возвращаться в лазарет, и мы не можем долго задерживаться и много пить.

Казалось, ее слова отскакивали от старика, как мяч от стены, поскольку хозяин дома с невозмутимым видом продолжил наполнять опустевшие стаканы, не забывая и свой собственный, лишь после окончания этого несомненно важного для него действия удовлетворенно хмыкнув и решив снизойти до ответа.

- От нескольких капель настойки ничего не случится, особенно если не брезговать угощениями, - старик демонстративно ухватился за один из пирожков. - Вот попрыгунья Мотидзуки - молодец, хорошо кушает. А ты над стаканчиком или жалкими крошками трясешься, боясь схватить лишнего. Вот и не выросла совсем. А будешь продолжать в том же духе, останутся от тебя одни косы да глазищи. Всю доставшуюся по наследству красоту растеряешь.

Кубик сыра, незадолго до этого зажатый между пальцами шлепнулся обратно в тарелку, а сама травница потупила взгляд, не решаясь посмотреть на старика. Ей хватило ума понять его намеки на сходство с бабкой, которую из жителей деревни только он и помнил, но причины столь несвоевременного замечания остались для нее загадкой. И если даже она чувствовала себя не в своей тарелке, то Хидна и вовсе не должна была понимать и половины из происходящего, пробуждая в Цэрин Лхаце совесть и вынуждая чем-то заполнить повисшее неловкое молчание.

- Попробуйте сыр, это очень вкусно, - обратилась девушка к Мотидзуки Хине с первым, что пришло ей в голову, подкрепляя свои слова действием. "Сосед" упавшего кусочка был отправлен в рот, позволяя на какое-то время взять паузу и краем глаза проследить за тем, как довольный старик понемногу переправляет в себя свою порцию настойки и блаженно улыбается, словно еще минуту назад не устроил маленькую провокацию.

Хина Мотидзуки

И всего лишь? Молоденькая травница, оказывается, не в ладах со спиртосодержащими напитками. А выражение лица-то какое было... Как если бы неподалёку от деревенского поселения чья-то чрезмерно мощная огненная чакра и впрямь отворила врата к центру Земли - и теперь на дом старика неумолимо наползает магматический поток, чьи рыжие отсветы уже видны через окно и отражаются на стекле пuzатой бутылки. Цэрин просто не пьёт. А пьёт ли младшая Судзуки? До сегодняшнего дня ответом на предполагаемый вопрос от любого обитателя деревни или монастыря, включая Чуна Тео и Мотидзуки Джуна, был бы недоуменный взгляд, какими-либо пояснениями не сопровождаемый. Теперь полукровка может сказать однозначное "да", и не понимает, глядя на девушку

напротив сквозь приоткрытые веки, как вообще можно опасаться чуть ли не волшебного эликсира.

Своеобразные "уроки" старшей сестрички, наперекор установленным в стране правилам подсадившей обожаемую младшую на выпивку, когда та ещё в старшую школу-то пойти не успела, даром не прошли: посредством Жонга ещё одним белым пятном в характеристике Хидны, сплошь покрытой заблокированными ячейками с вопросительными знаками, стало меньше. Для второй по старшинству Судзуки, оставшейся далеко-далеко позади, впрочем, места в новой реальности не нашлось.

Если для Цэрин Лхаце и старого Жонга напиток относится к горячительным, то для Хидны он, скорее, прохладительный - и был бы таким при любой температуре, даже будь бутылка нагретой выше комнатной. Спиртная настойка приходится ко двору хорошим комплектом к уже выпитой водичке и мясному пирожку, расслабляя тело, унимая чувство голода - а заодно с ним и беспокойную Манипуру. Вот стаканчик наполняется снова... самое то к остаткам второго пирожка. А потом к Лхаму, обязательно рассказать ей об участии в случившемся инциденте, кратко, потому что дел невпроворот ещё: как минимум, травница права, нужно в ла... за-рет...

- Жонг-сама! - сменяя Цэрин, спрятавшую глаза, воскликнула силком выдернутая из сладкого наваждения хафу, опрокинув содержимое пополненного стакана в рот и спешно запихивая туда же оставшийся в руке огрызок мясного угощения. Туманные комментарии старика прошли мимо её ушей, включая похвалу за здоровый аппетит, что Судзуки считает само собой разумеющимся и не достойным обсуждения. - Простите, я не могу задерживаться, я же в лазарете уборку не закончила! Могу зайти к вам позже, да, если пожелаете! А сыр... - внезапный перевод темы поставил Хидну в тупик: травница же сама напомнила, что им давно пора возвращаться? - Ну если только кусочек...

Цэрин Лхаце

Помощь со стороны Мотидзуки Хины пришла очень вовремя. Без активной поддержки дежурной по лазарету, чудесным образом переквалифицировавшейся в собутыльницы, Цэрин Лхаце не рискнула бы выступать против одного из самых уважаемых людей в деревне. Этот поджарый старичок по непонятным причинам внушал ей какой-то трепет, словно она разговаривала не с добродушным пожилым деревенским жителем, которого здесь знали все от мала до велика, а с диким волком, притворяющимся домашней собачкой. Но, вероятно, она просто преувеличивала на пустом месте из-за привычки настороженно относиться ко всем ярким и необычным людям.

- Да, Жонг, простите, но нам действительно пора уходить. - Посчитав, что от слов стоит как можно быстрее переходить к действиям, Цэрин Лхаце резко вскочила из-за столика, чуть не опрокинул при этом свою полупустую кружку с водой. - Большое спасибо вам за угощение и за помощь.

Вероятно, её непоследовательность должна была немало удивить Хидну, только что согласившуюся на предложение попробовать сыр. Но, чувствуя себя совершенно не в своей тарелке, травница предпочитала поскорее вернуться к простому и понятному для неё делу подальше от внимательного цепкого взгляда,

ощутимо контрастирующего с блаженной улыбкой и расслабленной позой старика.

- Как жаль, - покачал головой хозяин дома, в очередной раз прикладываясь к настойке. - Бросаете одинокого старика без компании. Но раз так, возьмите хотя бы по пирожку на дорожку. - Старик кивнул в сторону тарелки с угощениями. - Ну а ты, Попрыгунья, заскакивай, когда будет время. Не одному же мне настойку допивать? Алкоголь компанию любит.

Жонг снова начал что-то бормотать в свою жиденькую бороденку, на этот раз не позволяя гостям разобрать ни слова. И Цэрин Лхаце, посчитав погружение старика "в себя" разрешением идти, бросила вопросительный взгляд на Мотидзуки Хину, которой приходилось постоянно перестраиваться из-за, как это могло показаться со стороны, непостоянных тибетцев, толком не понимающих, чего они хотят.

Хина Мотидзуки

Кошмар! И без малейшего ведь преувеличения - самый что ни на есть настоящий. То, что Хидна отправилась наводить в лазарете лоск добровольно, вне общей очереди, а потому вроде бы с неё и взятки гладки, не имеет никакого значения. За вынужденный перерыв, вне всяких сомнений, никто не осудит: отзывчивая полукровка, ведомая чувством долга, просто не могла остаться в стороне - особенно когда её магические таланты могут пригодиться для доброго и полезного дела. Однако работа не закончена, и праздному отдыху в хорошей компании нет никаких оправданий, какими бы вкусными яства Жонга ни были.

- Извините, - в отличие от невесты из-за чего вновь забеспокоившейся Цэрин, чуть не свернувшей со столика кружку - она-то, в отличие от нерадивой дежурной, со своим занятием в лазарете успешно справилась - на Судзуки, не посвящённую в связывающие остальных присутствующих темы, старик не оказывает ровным счётом никакого влияния. Если не считать, конечно, испытываемого девушкой чувства искренней благодарности и не менее искреннего огорчения от необходимости покинуть гостеприимного хозяина, подбодрившего эксклюзивным зельем, так скоро. Вставая из-за стола - куда аккуратнее, нежели "подружка-собутельница" - и стараясь охватить всё и сразу, Сан сцапала с блюда маленький сырнй кубик, затолкала добычу со специфическим привкусом за щеку языком, точно хомяк, после чего согнулась в глубоком поклоне.

- Ариг... спасибо вам, да, Жонг-сама, - смена положения тела принесла лёгкое, сладкое головокружение, не имеющее, впрочем, ничего общего с недавним разбитым состоянием после непривычных энергетических нагрузок. Досадной ноткой выступил ушибленный локоть, при подъёме напомнивший о себе, а заодно и о необходимости показаться врачевателю; приятной компенсацией за ноющую боль в суставе тут же послужило предложение захватить с собой домашние пирожки. - я обязательно приду. Мы придем. А можно пару?

Получив добро в виде микроскопического кивка, новоиспечённая обладательница очередного прозвища быстро взяла выпечку и полубоком, дабы не поворачиваться к владельцу жилища спиной, отступила к выходу из помещения, оставляя Жонга наедине с собой. На пойманный взгляд Цэрин Лхаце младшая Судзуки ответила без слов, выразительно моргнув. Да, темноволосая травница ведёт себя немного

необычно, но мало ли у людей бывает странностей: кому как не Хидне, знать об этом. Тем более что, наравне с размышлениями - сильно ли влетит от врачевателя, если тот вернулся и поскользнулся на тряпке, оставленной дежурной посреди лазарета, а также чем обернуть по возвращении пирожки, - хафу поглощена незнакомым доселе чувством вязкого удовлетворения. Сродни тяжёлому наркотику, вызывающему стойкое привыкание с первого же употребления, пресыщенная мощью пожара Манипура уже сейчас тихо намекает, что неплохо было бы купаться в океане стихийной энергии почаще.

Цэрин Лхаце

В отличие от разволновавшейся травницы Мотидзуки Хина оказалась немного грациознее, не попытавшись организовать разрушения или подпортить имущество старика Жонга, тем самым заслужив одобрительный взгляд хозяина дома. Но если для одного из старейших жителей деревни слова и действия молоденькой укротительницы огня стали настоящим подарком, то для Цэрин Лхаце больше напоминающий бегство уход вылился в неприятный сюрприз. С языка Хидны слетело подозрительное словосочетание "мы придем", заставившее травницу испуганно захлопать глазами. Сама она предпочла бы лишний раз не пересекаться с Жонгом, слишком много знающим о ней и её семье. Но вместо того, чтобы придумать массу причин не навещать человека, рядом с которым она чувствовала себя микробом под микроскопом, Цэрин Лхаце лишь еле заметно кивнула, не решаясь высказаться против данного за неё обещания.

- Вот и славно, - голос старика снова изменился, заскрипев, как старая дверь. - Буду вас ждать. А пирожки забирай в любом количестве, сколько унести сможешь.

- Ещё раз спасибо за все. - Посчитав, что дольше задерживаться не имеет смысла Цэрин Лхаце первой выскочила из дома чрезмерно гостеприимного хозяина, облегчённо вздохнув полной грудью. Здесь, вдали от внимательно го взгляда, девушка снова почувствовала себя комфортно и, дождавшись Мотидзуки Хину, быстрым шагом двинулись в сторону лазарета. По всем раскладам, врачеватель уже должен был добраться до своей обители с пострадавшим. А раз так, его сегодняшним помощникам следовало как можно скорее вернуться на место, по мере своих скромных сил делая все, что могло хоть как-то облегчить его работу.
